ЗЛАТОУСТ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1896—1905 г. г.

УРАЛКНИГА 1926

ИСТПАРТ УРАЛОБКОМА РКП (б.)

ЗЛАТОУСТ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1896—1905 г. г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. ТАНЯЕВА

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ В ТЕКСТЕ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛКНИГА
СВЕРДЛОВСК — 1926

Одобрено к печати Литературной п/комиссией Всесоюзной Комиссии по подготовке и празднованию 20 летнего юбилея революции 1905 года.

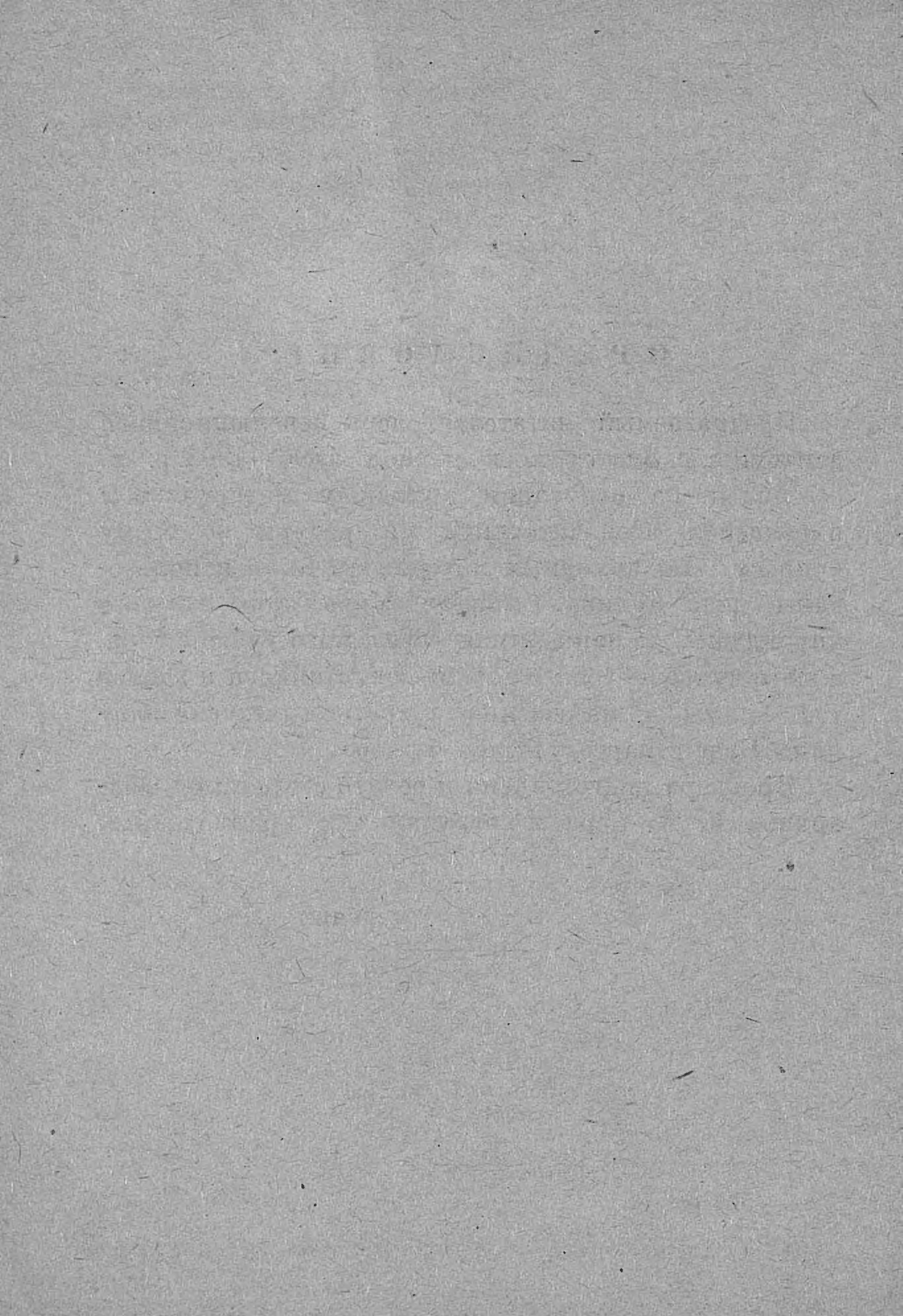
Уралобллит № 5810. Тираж 2000 экз.

Свердловск, тип. «Гранит» Акц. О-ва Уралкнига. Зак. № 1208.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемый читателю очерк революционного движения в Златоусте в период 1896—1905 г. г. составлен на основании архивных материалов и имеющейся незначительной литературы по этому вопросу. Из архивных материалов были использованы дела архива бывшего Уральского горного управления и канцелярии уфимского губернатора, а из мемуаров—воспоминания тов. Кийкова и статья тов. Голанова, помещенная в третьем выпуске сборника Башистпарта «Былое Урала».

Брошюра подготовлена к печати секретарем Облархива А. А. Берс и сотрудниками Уралистпарта.

I.

Златоустовский завод.

18 февраля 1754 года старшины нескольких башкирских племен продали тульскому купцу Ивану Перфильевичу Масолову за 20 руб. огромный участок земли в пределах нынешней Уфимской губ. За эти две десятирублевые ассигнации и несколько ведер водки к Масолову отошли сотни тысяч десятин земли, драгоценнейшей по своим ископаемым богатствам. Для эксплоатации этих богатств Масолов построил завод.

Так возник Златоуст.

Сперва он назывался Косотуровским заводом, но вскоре получил свое настоящее наименование по названию первой построенной в нем церкви. Быстро развивавшиеся здесь железоделательное и медеплавильное производства получили через несколько лет после возникновения завода серьезный удар, чуть было не приостановивший на долгое время рост Златоуста. В 1774 году он был до основания разрушен войсками Емельяна Пугачева. Мы не имеем точных сведений о мере участия местных жителей в этой первой организованной попытке трудовых масс уральского населения сбросить с себя двойное ярмо царизма и крепостничества. Только тот факт, что царское командование особенно старалось выжить пугачевцев из

района южно-уральских заводов, указывает на то, что уже тогда местное население считалось не особенно благонадежным с самодержавно-дворянской точки зрения. Только через 2 года после пугачевского движения Златоустовский завод был восстановлен вновь купившим его купцом Лучининым, а вскоре затем перешел в собственность казны. В государственных руках, с 1811 г., он сделался центром изготовления русского холодного оружия, а затем и орудийно-броневой стали.

Во второй половине века Златоуст являлся уже одним из самых населенных горнозаводских пунктов Урала, уступая по количеству населения лишь Н.-Тагилу и Воткинскому заводу.

По переписи 1897 года в Златоусте значилось 20973 человека жителей, занимавших 305 каменных и 2711 деревянных домов. Понятно само собой, что город был снабжен всеми зданиями и учреждениями, которые по штату полагалось иметь нормальному русскому уездному центру, т. е. собором, пожарной каланчей и тюрьмой.

Если вы в'езжаете в Златоуст от станции Самаро-Златоустовской жел. дороги, то направо, на фоне высокого горного кряжа, лишенного всякой растительности, перед вашими глазами вырисовывается огромных размеров доменная печь, а за ней около десятка труб и обширное здание т. н. Князе-Михайловской оружейной фабрики. Это-то и есть фактический центр всего Южного Урала. Имевшиеся здесь следующие производства: доменное, мартеновской стали (3 печи), производство тигельной стали (печи системы Сименса), пудлинговое производство, прокатное, кузничные фабрики, давали в год около миллиона пудов железа и стали разных сортов. Кроме того, на заводе производилась плавка чугуна свыше 600.000 пудов в год. Сырье для Златоустовского завода достав-

лялось частью, с известных Бакальских рудников (около 300.000 пудов руды в год), частью же из прикрепленных к заводу т. н. «Орловских месторождений», находящихся в 10 верстах к югу от него.

В конце XIX века Златоустовский завод перешел, главным образом, на изготовление стальных снарядов и брони по заказам военного и морского ведомства. Понятно, что при таких условиях царское правительство, вечно горевшее в милитаристической лихорадке, не могло не обращать на него особого внимания, как в отношении усиления производительности, так и в части наблюдения за подозрительным элементом, «буде таковой появится». За появлением последнего дело не стало.

II.

Первый революционный кружок и забастовочное движение 90-х годов.

Тяжелые, непосильные материальные условия труда в связи с низкими заработками, с одной стороны, и пробуждающимся классовым самосознанием—с другой, создали уже в конце 80-х годов почву, благоприятную для возникновения на заводе первой революционной организации.

По странному капризу судьбы, рабочим в этом отношении пошла навстречу сама царская администрация, дав без всякого, конечно, на то намерения, удобную базу для такой организации в лице т. н. «Горнозаводского Товарищества».

Созданные законом 8 марта 1861 г. горнозаводские т-ва казенных горных заводов и рудников имели своей задачей заготовление для рабочих

предметов первой необходимости, страхования и пенсионирования на случай старости, увечья или потери работника в семье, и, наконец, дополнительное лечение, не входящее в нормы обязательной казенной помощи, т. е. являлись как бы прототипом современных страховых касс. Средства горнозаводских товариществ составлялись из 2-х проц. отчислений с заработной платы рабочих, и взносов правительства, равнявшихся общей сумме отчислений рабочих, т. е. казна участвовала лишь в половинном размере в затратах на организацию помощи через товарищества. Правления их составлялись из равного количества членов, выборных от рабочих и администрации; помимо этого, из среды последней назначался дополнительно еще один член в качестве председателя товарищества, чем давался перевес заводской администрации в решении вопросов.

Правительство создало эти товарищества из весьма шкурных соображений. [Оно хорошо понимало, что при тяжелом экономическом положении уральских рабочих можно было ожидать в любую минуту серьезных волнений, которые могут причинить, помимо хлопот политического характера, и материальные убытки в виде разгрома изголодавшимися рабочими заводов и вообще казенного имущества. «Горнозаводские товарищества» должны были, по мысли правительства, служить как бы отдушиной для накопившегося недовольства рабочих. Вначале они получили довольно широкий круг деятельности; впоследствии же они попали в список не вполне благонадежных учреждений, и их деятельность подвергалась разного рода ограничениям и преследованиям.

Преследования и ограничения круга полезной для рабочих деятельности создали из них в конечном итоге во многих местах, а в частности и Зла-

тоусте, центр, вокруг которого могло концентрироваться недовольство рабочих условиями своей жизни и порядками на заводах.

Златоустовский пролетариат это чувствовал, видел, как стесняется деятельность его единственной легальной организации, и теснее смыкался вокруг своих выборных, которые делали все для защиты его интересов. В конце 80-х годов была организована при товариществе маленькая полулегальная библиотека, послужившая основанием первого революционного кружка. Вопрос о времени возникновения и политическом составе первой местной революционной группы оставался долгое время спорным. Только теперь, с изданием обстоятельной работы Голанона*), можно считать доказанным, что первый златоустовский подпольный кружок возник в конце 80-х годов и по своему направлению был скорее соц.-дем., чем народническим. Его организатором был старший мастер Владимир Егорович Рогожников, окончивший Уральское горное училище.

Сначала пропаганда Рогожникова, повидимому, успеха не имела, но вскоре наладилась с присоединением к нему П. А. и В. А. Авладеевых, братьев Тютевых, мастера Павла Земскова, Егора Терентьева, Егора Кондратьева и Федора Рябова.

Начав работу с весьма ограниченными силами, эта группа устроила, как уже указано выше, полулегальную библиотеку при Горнозаводском товариществе и начала вести пропагандистскую деятельность среди небольшого круга сознательных рабочих. Настоящей социал-демократической литературы в библиотеке почти не было, но и такие

---

*) «Былое Урала», № 3. Издан. Башистпарта. Уфа, 1923 г.

книги, как: Золя «Углекопы», Беллами «Через сто лет» или Сидней-Вебб «8-ми часовой рабочий день», оказывали сильное влияние на развитие спропагандированных рабочих. Однако, скоро о библиотеке узнала полиция и предложила ее ликвидировать. Книги были перевезены на частные квартиры.

В средине 90-х годов в Златоусте впервые появляется с.-д. литература (о штрафах, 8-ми часовом рабочем дне и пр.), которая дала возможность организованным рабочим не только уяснить свое тяжелое экономическое положение, но и пути его улучшения.

К 1896 году на Златоустовском заводе насчитывалось уже немало вполне сознательных рабочих, способных взять на себя руководство экономическим движением масс. Как раз в это время в промышленных центрах России нарастала первая значительная забастовочная волна. Урал с его металлообрабатывающей промышленностью и многочисленным кадром рабочих не остался в стороне от этого движения. Историческая забастовка на петербургских бумаго-прядильных фабриках, результатом которой явилось впоследствии издание закона от 2 июня 1898 года о сокращении рабочего дня до 11½ часов, была хорошо известна сознательной части тогдашних уральских рабочих. О ней они знали из попадавших на Урал прокламаций «К Петербургским рабочим». Помимо этого внешнего воздействия, чисто местные условия жизни и работы уральского пролетариата также толкали его на путь экономической борьбы.

В рассматриваемый нами период времени на Златоустовском заводе числилось около 1000 рабочих, при чем в это число, конечно, не включались рабочие, занимавшиеся так называемыми вспомогательными работами—рубкой дров, углеж-

жением, а также все, работавшие на добыче руды. Заработная плата рабочим и служащим составляла солидную сумму около шестисот пятидесяти тыс. руб., т. е., при средней разверстке, по 650 руб. в год на человека, но фактически эти деньги распределялись следующим образом:

мастерам старшим . . . . . 480—600 р. в год.
» младшим . . . . . 240—480 » »
браковщикам и сортировщикам . . . . 180—300 » »
сторожам, рассыльным и пр. 60—180 » »

Следовательно, средний заработок неквалифицированного рабочего не превышал 10 руб. в месяц, средней квалификации—20 руб. и мастера—40 р. в месяц.

Как видно, рабочие завода получали не очень-то много. Низкой заработной плате соответствовали и остальные условия труда. По словам очевидцев, лично работавших в то время в Златоусте, отношение заводской администрации к рабочим было самое варварское. Штрафы, циничная брань и даже побои считались заурядным явлением. Рабочий был совершенно бесправен: его увольняли за малейшую дерзость, ошибку, или даже по капризу цехового мастера выкидывали на улицу, не считаясь ни с трудоспособностью, ни с семейным положением. Особенно тяжело было подросткам. Их посылали в колодцы водопроводов на исправление труб и камеронов, где приходилось барахтаться по колена в воде. Заставляли разбирать и перетаскивать части машин, совершенно непосильные по весу для малолеток. Вообще жизнь рабочего проходила в тяжелой атмосфере издевательства, с одной стороны, озлобленности и сознания своей бесправности, с другой. По праздникам все это на время заглушалось ядом алкоголя.

Понятие, что о жилье рабочих, о питьевой воде, вентиляции и других мерах, предохранявших от болезни, преждевременной старости или увечья, заводская администрация не только не заботилась, но сознательно их игнорировала.

А. Бертенсон, член Горного ученого комитета и человек, которого весьма трудно было бы обвинить в излишней «сердобольности» по отношению к пролетариату, пишет в своей книге, посвященной разбору условий труда уральских рабочих*): «К профессиональным болезням рабочих Златоустовского завода и фабрик нужно отнести: I. развитие легочной чахотки у рабочих точильного и меднолитейного цехов. Развитие страдания легких у рабочих точильного цеха есть, несомненно, результат постоянного и усиленного вдыхания во время работ воздуха, наполненного мелкой пылью от точильных камней, при отточке клинков сухим способом. Мокрый способ отточки клинков, практикуемый за последние 3—4 года на Златоустовской фабрике, также вредно влияет на работающих, т. к. рабочие, при этом способе отточки во все время работы подвергаются постоянному действию воды, а потому между такими рабочими ревматические и вообще простудные страдания—явление постоянное. Страдание легких у рабочих литейного цеха можно об'яснить развитием при отливке вреднодействующих газов, т. к. при этих работах употребляется фосфор.

2. У рабочих доменного и формовочного цехов наблюдается, как постоянное явление, развитие катара бронхов, глотки и соединительной оболочки век, вследствие пребывания этих рабочих во время работ в воздухе, содержащем огромное количество пыли.

---

*) А. Бертенсон: «Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Урала», стр. 5—6.

3. У рабочих механического цеха, подвергающихся весьма часто разного рода незначительным повреждениям, кроме того, наблюдается, как частое явление, попадание стружек стали в роговую оболочку глаз, в особенности за последнее время, при обточке стальных снарядов нового образца».

И вот как реагировала администрация на эту убийственную для рабочих обстановку труда: «Помещение его,—говорит тот же Бертенсон про златоустовский госпиталь,—хотя и обширное, по числу штатных больных, на самом деле недостаточно: половина госпиталя уже более 10 лет занята школою министерства народного просвещения, 2 палаты заняты богадельней. Кроме заводских рабочих и служащих Златоустовского завода, в нем лечатся арестанты тюремного замка и арестованные при уездном полицейском управлении. Госпиталь не имеет ванной комнаты и особого операционного покоя, а операции производятся в палате, где принимаются амбулаторные больные»*). Кроме этого, по словам того же Бертенсона, старший врач златоустовских заводов, помимо исполнения должности в местном госпитале, еще ездит на прием в Сатку и Арти, где заводских врачей вовсе не было, и для операций в Кусу, оставляя рабочих Златоустовского завода на попечении фельдшера. Вышеприведенные факты достаточно ярко характеризуют заботливость заводоуправления о здоровьи рабочих.

Не лучше были условия жизни рабочих и вне завода. Их жилища были до нельзя плохие. «В грязных, вонючих, низких и темных помещениях—скорее логовищах—рабочие пьют, едят, отдыхают, спят,—и тут же сушатся их грязные мокрые лохмотья»... так описывает свои впечатления по по-

---

*) Там же, стр. 12.

сэдке в окрестности Златоуста В. Г. Чекан в «Путеводителе по Уралу». По его словам, на одном из рудников вблизи завода в рабочей казарме, рассчитанной на 100 человек, зимой нередко скапливается до 300 и более.

Но, быть может, таковы были условия жизни только неквалифицированных горных рабочих, приходящих на рудник для временной работы?—Отнюдь нет. Приблизительно такие же условия труда, по свидетельству того же Чекана, существовали и для заводских рабочих.

Все приведенные факты служили благоприятной почвой для перенесения работы с.-д. кружка в широкие массы златоустовских рабочих, и она не прошла бесследно.

Уже весной 1896 года рабочие большой прокатной фабрики, недовольные низкими расценками и малыми заработками, бросили работы и потребовали увеличения заработной платы и 8-ми часовых смен вместо 12-ти часовых.

Эта первая стачка продолжалась недолго. Администрация несколько увеличила плату и удовлетворила еще кое-какие мелкие требования, но работа попрежнему продолжалась 12 часов. Часть рабочих забастовщиков попала под суд и несколько человек из них были присуждены к аресту при полиции*). Но репрессии не остановили начавшегося движения.

Осенью того же года вновь вспыхнула забастовка. Она возникла в связи с выдачей рабочим новых расчетных книжек, содержащих правила, существенно отличающиеся от помещенных в старых книжках, изданных Горнозаводским товариществом для своих членов. Помимо различных мелких ограничений (о чем будет речь ниже), эти

*) Златоустовский, И. «Очерки рабочего движения на Урале», «Ур. Газета», Екатеринбург, 1907 г.

книжки лишали рабочих прав и преимуществ, установленных положением 8 марта 1861 г. Несмотря на то, что рабочие на общих собраниях Горнозаводского т-ва заявили о своем нежелании брать такого рода книжки, да еще, вопреки законов, за плату, заводская администрация продолжала настаивать на их выдаче. В сентябре она отказала рабочим в раздаче жалованья, требуя подчинения. Сначала рабочие пытались не выходить из рамок легальной борьбы, но когда министерство земледелия и государственных имуществ, в ведении которого находились в то время казенные заводы, не ответило на их коллективную телеграмму с требованием выдачи жалованья, они 15 октября 1896 года забастовали. Администрация вынуждена была уступить. Жалованье выдали попрежнему без книжек.

В это время, т. е. зимой 1896 года, Златоустовский кружок через уже известного нам Рогожникова, вошел в связь с образовавшимся из различных революционных групп и направлений «Уральским Рабочим Союзом». Для Златоуста это имело, между прочим, то последствие, что Союз пожелал получить для опубликования материал о местных забастовках. Рогожников доставил в Союз необходимые сведения, и, при содействии постоянного сотрудника газеты «Степной Край», издававшейся в Омске,—Белякова, поместил этот материал в нескольких номерах названной газеты, при чем с редакцией было договорено, что она, взамен гонорара, доставит (Союзу) несколько сот экземпляров газеты. Номера «Степного края» с опубликованными сведениями о рабочем движении в Златоусте были широко распространены по заводам, рудникам и приискам Урала.

Этот факт весьма благоприятно отразился на деятельности златоустовской организации: автори-

тет ее среди рабочих завода, приобретенный успешно проведенными забастовками (1896 г.), еще более поднялся. Перед ней открылось широкое поле для агитации среди масс о необходимости дальнейшей борьбы за улучшение своего экономического положения. Под влиянием агитации, в марте 1897 г. рабочие снова забастовали, на этот раз требуя введения 8-ми часового рабочего дня во всех цехах, т. к. в некоторых это было уже проведено в результате весенней забастовки 1896 г.

Первыми забастовали рабочие большой прокатной фабрики, а когда их требования были удовлетворены, то поднялись прочие цехи, требуя для себя также 8-ми часовых смен. Из солидарности большая прокатная фабрика возобновила забастовку.

Забастовка продолжалась уже около месяца; когда рабочие стали изнемогать от недоедания, они начали сдаваться, на что и надеялось заводоуправление. К тому времени с.-д. кружок организовал бастующим материальную помощь, выдав через мастеров Андрея Крутовского и Ивана Филимошкина 150 рублей и наделив их в долг мукой из потребительской лавки. После этого рабочие стойко продолжали начатую борьбу, окончившуюся в конце концов полным успехом. Это было осенью 1897 г.

Таким образом, впервые на Урале, и во всей России, 8-ми часовой день был по требованию рабочих введен во всех цехах.

В деятельности Горнозаводского т-ва за эти годы рабочие также, несмотря на резкое противодействие со стороны администрации, сумели добиться некоторых улучшений. Их представители провели понижение процентов за выдаваемые ссуды, улучшили выдачу пособий за лечение и увечье и, наконец,— а это самое главное,—с согласия заводоуправления создали при товариществе специальную организа-

цию для ведения переговоров с администрацией по поводу требований, выставляемых рабочими. От каждого цеха имелось по 2 избранных депутата, всего около 60 человек. На практике это безобидное на вид представительство превратилось в нечто вроде зачаточной формы профессиональной организации, т. к. на собраниях вырабатывали как самые требования, так и способ их проведения.

Конечно, высшая администрация не смогла отнестись благосклонно к таким новшествам. Горного начальника Писарева и управителя Евглевского, как допустивших подобное «безобразие», убрали. На место их горным начальником назначен был Зеленцев, а управителем Гартум, получившие специальные задания бороться с движением, не озлобляя рабочих. Но дело не ограничилось этим. Из Петербурга одно за другим полетели грозные предписания ликвидировать движение.

III.

Разгром подпольной организации и упадок движения.

С ног сбилась полиция, «выясняя действующих в рабочей среде агитаторов», и, наконец, напала на след. При помощи провокаторов ей удалось раскрыть состав «Уральского Рабочего Союза», а через него и членов златоустовской организации.

С зимы 1897 года началась полоса арестов, высылок членов подпольной организации, а вместе с тем и полоса упадка в златоусте рабочего движения.

Первыми жертвами стали: Рогожников, братья Тютевы, Павел Земсков и рабочие братья Гордеевы, братья Авладеевы, Плечев, Кондратьев и многие другие. Попав вместе с этой группой в руки жан-

дармского ротмистра Бергера, Хорьков поспешил принести повинную и назвал все фамилии известных, и даже неизвестных ему лично, нераскрытых полицией, членов УРС'а. По его показаниям были произведены дополнительные аресты: в Екатеринбурге С. Полувадова, а в Челябинске И. Годлевского, братьев Зобниных и Белякова. В мае 1898 г. все арестованные, за исключением златоустовцев, были доставлены в Екатеринбургскую тюрьму, а в июле отправлены в Архангельскую ссылку на основании «Положения об усиленной охране». Златоустовские заключенные продолжали оставаться в тюрьме вплоть до 1899 г., когда их, за исключением Андрея Тютева (умершего вскоре после освобождения) и его брата Дмитрия, также выслали в Архангельскую губернию, а Кондратьева—в Оренбург.

Для предупреждения новых волнений среди рабочих, в Златоуст была послана, в помощь местному гарнизону, сотня казаков. Однако, ни солдаты, ни казаки, ни все ухищрения жандармского сыска не могли остановить начавшегося движения,—нужен был лишь повод, чтобы оно снова проявилось в форме активного выступления рабочих. Одним из таких поводов послужили похороны Тютева.

Как было уже указано выше, Тютев был в июне 1899 года освобожден из тюрьмы в виду его болезненного состояния. Он был известным человеком в Златоусте. Окончив курс в Уральском горном училище в 1884 г., Тютев вернулся к себе на родину, где и служил вплоть до самого ареста, занимая в последние 2-3 года пребывания в Златоусте место члена правления Горнозаводского товарищества, выборного от рабочих. Кроме того, около двух лет он состоял в правлении о-ва потребителей и в правлении городской публичной библиотеки, открытой в 1896 году.

В истории Златоустовской революционной организации т. Тютев сыграл исключитетьно большую роль. Убежденный борец за дело раскрепощения трудящихся, он не только вел борьбу за рабочие интересы с администрацией златоустовского завода, но и являлся как бы связущим звеном между революционными организациями других заводов и златоустовской ячейкой, благодаря сопряженной им тесной связи с однокашниками Уральского горного училища россеивавшимися по окончании курса по всему промышленному Уралу. Организация связи ячеек уральского подполья и тяжелая, неблагодарная работа на фронте борьбы с заводской администрацией за экономическое улучшение жизни рабочих—вот главные задачи поставленные себе тов. Тютевым выполняя которые, он не жалел труда и жизни. Следует отметить, что в установлении связи работников организации ему помогала его мать. Тютева ныне еще здравствующая в Златоусте.

Тяжелые условия пребывания в уфимской тюрьме, плохое помещение, скверная пища и грубость тюремной администрации—все это вконец подорвало и без того не особенно крепкое здоровье Тютева. Через неделю после возвращения домой Тютев скончался.

Для трудового Златоуста это была тяжелая потеря. Не только организация теряла ценного работника, но и рабочая масса лишилась скромного, отзывчивого товарища, который будучи более развитым и знакомым с административно-судебной волокитой, не раз выручал отдельных ее представителей полезным советом или энергичным заступничеством перед заводскими «начальствами».

За такую бескорыстную преданность рабочим интересам т. Тютев стал в глазах заводоуправления не только одним из самых „неблагонадежных", рабочих, но и как бы символом рабочей солидар-

ности, прорывающейся через все рогатки самодержавного деспотизма и казачьей нагайки. Вечные же придирки к нему со стороны администрации и, распространяемая ее агентами, волна грязных слухов про деятельность тов. Тютева в горнозаводском Товариществе только укрепляли среди заводского населения уверенность в том, что тов. Тютев является одним из самых стойких борцов за их общее дело.

В день его похорон рабочие остановили завод и тысячной толпой, с пением революционного похоронного марша, проводили своего товарища до могилы.

В 1905 году, в так называемые «дни свобод» после октябрьского манифеста, златоустовцы снова вспомнили про Тютева и торжественной демонстрацией, с красными и черными флагами, отсалютовали на его могиле свою благодарность.

Несмотря на подобные проявления рабочей солидарности, полиции удалось всетаки значительно ограничить работу местных революционных кружков, и последующий период времени до 1903 года прошел здесь по внешности спокойно, т. е. без какихлибо крупных забастовок и выступлений рабочих.

После упомянутого нами выше провала златоустовская подпольная организация была обескровлена, но не ликвидирована; между прочим, в Златоусте остался Владимир Васильевич Гордеев, сохранивший тесные связи с группой высланных рабочих.

Тогда же в Златоусте остались и П. П. Рожков и Ф. Н. Рябов (первый кустарь, а второй рабочий), снова наладившие совместно с Гордеевым подпольную работу. Состав работников местной организации был к 1900 году, по данным жандармского архива, следующим: Егор Терентьев, Дмитрий и Василий Тютевы, Павел и Кельсий Прокоповы, Афанасий Якушев, Иван Поликарпович Сы-

ромолотов, Иван Филимонкин, Андрей Крутицкий, Ефрем Гордеев, Сергей Плотников, Алексей Огарков, Василий Борисов, Андрей Ефимович Алексеев, Илья Базаров, Павел Прохоров, Абрам Гостев, Терентий Черепанов, Иван Спирин, Алексей Ванин, Михаил Киселев, Иван Данилович Рожков и Иван Михаилович Досков *). Мы помещаем этот список целиком, т. к. с упомянутыми в нем товарищами нам придется встретиться и при описании событий 1905 г. в Златоусте.

Через организацию широко распространялась на заводе нелегальная литература: прокламации «С-Петербургского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса» (издания 1901-2 года); «Письма про наши порядки и непорядки», «Вопросы русской жизни», «Что делать безработным»; «Обещания капиталистов и фабричные законы», «Как от русского патриотизма английские свиньи жиреют», «Воззвание ко всем Петербургским рабочим и работникам» и проч. **). Почти в то же время, т. е. около 1901 г. златоустовская подпольная организация слилась с уфимским комитетом вновь организовавшегося «Союза С.-Д. и С.-Р.».

IV.

18 марта 1903 г.

В 1903 году в Златоусте вновь начались рабочие волнения, которые окончились известным расстрелом златоустовских рабочих.

В конце января управление завода об'явило рабочим о необходимости заключения новых усло-

*) В. Галанов: «Былое Урала», № 3, стр. 155. Изд. Башиспарта, Уфа 1925.

**) В. Быков: «Из жизни Уральских Организаций», стр. 6.

ний по новым расчетным книжкам, введенным «на точном основании Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 11 марта 1902 г.»

Как мы уже видели, попытка введения новых расчетных книжек в 1896 г. окончилась неудачей. Теперь заводоуправление вновь пыталось их ввести, при чем условия, заключенные в расчетных книжках, были гораздо более неприемлемы для рабочих, чем в 1896 году.

В приложенных к новым расчетным книжкам правилах между прочим говорилось, что наказание, наложенное заведующим цехом, не может быть обжаловано; неявка на работу 6 дней в течение месяца по неуважительной причине, или две недели по уважительной, влечет за собой увольнение; за нарушение тишины и порядка—тюрьма от 3-х недель до 1½ лет и т. д. Кроме того, они лишали рабочих некоторых льгот, как, например, права бесплатного получения дров. Новыми правилами вводилось также обязательное медицинское освидетельствование,—мера, казалось бы, благоприятная для рабочих, но на самом деле дававшая администрации возможность при малейшем признаке профессионального заболевания у рабочего, по докладу заводского доктора, заблаговременно увольнять его под каким-нибудь благовидным предлогом. Этим пунктом заводская администрация гарантировала себя от необходимости платить рабочим пенсии в случае потери ими трудоспособности *).

Рабочие, естественно, протестовали против введения расчетных книжек нового образца, решительно отказываясь их принимать. Организацию протеста-забастовки приняла на себя местная революционная организация, выделившая для этого Про-

---

*) В. Галанов: «Былое Урала», № 3, стр. 87. Изд. Башиспарта, Уфа, 1924 г.

колова, Сыромолотова и Терентьева, начавших агитацию при участии (по данным жандармского архива) Плечева, Гостева, Гордеева, Бахарева и Спирина. Агитация велась за мирную забастовку, что подтверждает содержание выпущенных в большом количестве прокламаций.

Местом окончательного обсуждения вопроса о забастовке было выбрано общее собрание членов Горнозаводского т-ва, которое должно было состояться 24 февраля 1903 года. Резолюция, вынесенная на этом собрании, указывала на то, что рабочие твердо решили не заключать договора по новым предлагаемым им правилам.

Вслед за этим организованным протестом, к главному начальнику Уральских горных заводов Боклевскому было направлено коллективное ходатайство рабочих об отмене неприемлемых для них нововведений. Ходатайство было отклонено, но переговоры продолжались спокойно до тех пор, пока рабочие большого прокатного цеха не вызвали 8-го марта заводского полицеймейстера Уманцева и просили его передать начальству о том, что новых книжек они не примут, и если заводоуправление будет настаивать на своем, то 10-го марта они бросят работу.

10-го марта рабочие всех цехов, действительно, оставили работу. Так началась мартовская забастовка. Администрация предложила рабочим выбрать 2-х депутатов якобы для большего удобства и легкости в достижении соглашения. При этом было обещано, что выборным не будет грозить никакая опасность. Депутатами были выбраны рабочие Филимошкин и Симонов, которые в тот же день начали переговоры с заводоуправлением.

На другой день, 12 марта, рабочие узнали, что оба выбранные ими делегата арестованы жандармским ротмистром Долговым. «Несмотря на такой

возмутительный факт, рабочие, что называется, тихо-смирно, хотя и всей толпой, двигались от начальства к начальству, требуя освобождения арестованных, но—напрасно. Управитель говорил, что он не давал приказания; начальник сказал, что даже не знал об их аресте»*).

В тот же день заводская администрация расклеила об'явление рабочим, «желавшим продолжать состоять членами Горнозаводского т-ва и участниками кассы», стать на работу.

В ответ на это, рабочие сделали последнюю попытку к примирению, согласившись стать на работу, если в новые расчетные книжки будут включены все статьи Положения 8 марта 1861 года, определявшие их права и преимущества, а также если в наемный договор будет включено, что им выдается за всякую годную изготовленную вещь особая, сверх положенной, плата в виде премии**).

Администрация отказалась от удовлетворения этих требований, ссылаясь на то, что она не может изменить формы книжки, установленной законом, и что способ премирования для нее не удобен. Все это подкреплялось «душеспасительными рассуждениями» о невыгодности для рабочих нарушать давно сложившиеся с заводом отношения и искать другого, помимо привычного, источника заработка***).

Ведя переговоры, администрация между тем принимала меры к ликвидации забастовки путем вызова в Златоуст воинской силы.

В полдень 12-го марта заводоуправление телеграфировало в Екатеринбург:

---

*) В. Быков: «Неизданные материалы Уралистпарта», стр. 14

**) Областное Архивное Бюро, фонд УГУ, 1903 г., дело № 27, стр. 44.

***) Там же, стр. 45.

«Волнение очень разрослось. Работать прекратили. На улицах толпы. С раннего утра, в заводе стоит военная команда. Сегодня в 3 часа приезжает губернатор. Требование рабочих исключить из книжек законы найма сегодня представляю Вашему Превосходительству. До получения предлагал продолжать работу, но благодаря, вероятно, подстрекательствам и угрозам работы не возобновились»*).

Вечером того же дня в Златоуст приехал губернатов Богданович. Узнав о его приезде, рабочие собрались около дома главного начальника, требуя выхода к ним Богдановича.

Последний вышел на крыльцо и потребовал, чтобы рабочие разошлись по домам, выслав на следующий день утром кого-нибудь из своей среды для переговоров. Однако, наученная горьким опытом, толпа ответила, что ее выборные уже арестованы, других они выбирать не будут и просила освободить задержанных товарищей, говоря, что «послов не куют и не вяжут». Губернатор еще раз велел разойтись, обещая назавтра разобрать дело, и ушел в дом. Рабочие все же успели подать ему прошение, в котором просили отменить принудительные условия найма по новым правилам и оставить в силе закон 1861 года.

«Кроме сего,—писали они,—ночью на 12 марта текущего года из среды наших рабочих, без всякой причины с их стороны, были арестованы Иван Дмитриев Филимошкин и Федор Григорьев Симонов, о которых имеем честь ходатайствовать перед вашим превосходительством об освобождении их из-под ареста, и раз'яснить нам, за какие злоупотребления они были арестованы; при чем означенных лиц мы все без исключения принимаем под

*) Там же, стр. 46 и 47.

свое личное покровительство. На что от вашего превосходительства и ожидаем благосклонного внимания» *).

В ответ на ходатайство рабочих—13 марта с раннего утра на заборах и на стенах домов в Златоусте были расклеены листки—«об'явление губернатора», в которых говорилось:

«Предлагаю рабочим немедленно приступить к работам по цеху каждого.

Сборища как внутри завода, так и вне, на улицах и площадях—воспрещаются.

Уклонение рабочих от работы повлечет лишь закрытие завода, и, таким образом, рабочие сами себя лишат заработка.

Сборища будут рассеяны военной силой, а все участники их привлечены к законной ответственности».

Угроза губернатора не испугала рабочих.

Никто из них не приступил в тот день к работам, а собрались все на улице около дома горного начальника. Здесь к ним вышел в сопровождении Зеленцова, управителя завода и прокурора, губернатор и об'явил, что дело о книжках послано на рассмотрение к министру земледелия, а пока рабочие могут возобновить работу по старым правилам. Таким образом, выходило, что главнейшее требование рабочих, вызвавшее забастовку, было администрацией временно удовлетворено; оставался лишь вопрос об арестованных. Толпа требовала их немедленного освобождения.

Очевидцы рассказывают, что при этом не было, однако, не только буйства, но и даже сильного движения. В магазинах и погребах велась обычная торговля, т. к. никому из купцов и в голову не

---

*) Цитировано по В. Галанову: «Былое Урала», № 3, стр. 91.

приходило, что им может грозить какая-нибудь опасность со стороны такой мирной толпы. Торговцы то один, то другой пробирались в толпу, чтобы послушать, о чем говорят *).

Тем временем губернатор все настойчивее требовал, чтобы рабочие разошлись добровольно, об'ясняя, что до окончания следствия арестованные выпущены не будут, что прокурор окружного суда и жандармский полковник Шаров поедут сейчас в тюрьму и допросят арестованных. Рабочие, уже несколько раз обманутые, заявили, что не допустят самостоятельной поездки прокурора и Шарова, предложив им итти пешком с ними в тюрьму, чтобы затем арестованных привели на площадь и здесь выяснили их виновность. Тогда губернатор выслал к толпе чиновника, который прочел об'явление, где говорилось то же, что и на словах—«расходитесь, дело будет расследовано; в противном случае будут приняты военные меры». Рабочие изорвали этот листок.

Через несколько минут Богданович показался на балконе. Оглянувшись, он махнул платком заблаговременно оцепившим площадь солдатам Мокшанского батальона. По этому сигналу, около 11 часов утра, в безоруженную толпу рабочих были произведены три залпа сряду. Так начался знаменитый в истории русского рабочего движения златоустовский расстрел 13 марта 1903 года. На месте расстрела осталось много убитых и раненных, в числе которых оказались дети, женщины и лица, совершенно непричастные к делу. По официальным сообщениям общее число пострадавших было:

убитых . . . . 28 человек,
умерших от ран . . . . 17 человек,

---

*) «Златоустовская бойня»—гектографированная брошюра Уфимского к-та Уральского союза с.-д. и с.-р., изд. 1903.

тяжело раненых	41 человек,
легко раненых	19 человек,
получивших незначительные повреждения	23 человека.
Всего	128 человек.

Фактическое количество раненных исчислялось гораздо большей цифрой, так как многие, боясь преследований, предпочитали лечиться на дому.

Эта бойня тенденциозно в свое время была описана в специальном акте, составленном инициаторами расстрела, и создало версию, отчасти попавшую и в революционную печать, что рабочие, на угрозу применить оружие, стали ломиться в дверь под‘езда дома, где находился губернатор, при чем из толпы будто бы было произведено несколько револьверных выстрелов.

Правительственная версия является сплошной ложью. Из показаний привлеченных впоследствии к суду видно, что рабочие в двери не ломились, а ограничивали свое негодование только криками и шумом. Револьверные выстрелы, которыми будто бы был легко ранен помощник исправника Лобовицкий и жандармский унтер-офицер, в действительности, никогда не производились.

«Ни один рабочий, говорит Галанов, оружия не имел, да и сами палачи, спровоцировав их, не сумели потом установить фамилии раненного жандармского унтер-офицера. Раненный же Лобовицкий как в воду канул, о нем нигде не говорилось больше ни слова»*).

Просмотрев все жандармские материалы того времени, Галанов не нашел об этом мнимом ране-

---

*) В. Галанов: «Былое Урала», № 3, стр. 95. Изд. Башиспарта, Уфа, 1923 г.

ПОСЛЕ РАССТРЕЛА. В ЛАЗАРЕТЕ.

нии ни слова; нет акта медицинского осмотра, нет и дознаний жандармских или полицейских чинов. Наконец, нет рапорта о пострадавших, да и сами жандармы при последовавших вскоре массовых арестах рабочих ни одному из них не задавали вопроса о ранении Лобовицкого и жандарма. О выстрелах из толпы ранении Лобовицкого и безымянного унгер-офицера не было затем сказано ни слова и на суде.

Стремление администрации доказать, что губернатором были приняты все предупредительные меры и, таким образом, сложить с себя хотя бы часть ответственности за расстрел также не соответствует действительности. Очевидцы единогласно подтверждают, что никаких серьезных предупреждений губернатора «о действии оружием» не было; а угроза о предстоящем принятии «военных мер» и боевые сигналы стрелкам рабочими не были поняты, как следует. Расстрел свалился на них буквально, как снег на голову.

Не меньшим лицемерием является сообщение инициатора бойни о немедленном оказании медицинской помощи пострадавшим. Правда, на площади тотчас же после расстрела появились полицейские, но не для перевязок, а для обыска убитых и раненных. Однако, несмотря на все их старания, оружия, которое смогло бы подтвердить рассказ об активном сопротивлении толпы, ни на ком найдено не было.

В числе убитых и раненых оказались дети, женщины и лица, совершенно не причастные к делу. На другой день после расстрела большинство рабочих вышло на работу, на следующий день завод уже работал в полном составе.

16 и 17 марта происходили похороны погибших товарищей. Возбужденное настроение рабочих заста-

вило администрацию не препятствовать похоронам, и они прошли, как стройная демонстрация рабочей солидарности, напоминающая начальству о несломленной еще силе златоустовского пролетариата. При многотысячном скоплении народа хоронили златоустовцы жертв 13 марта. Для администрации создалось положение, при котором она не решалась сразу же после расстрела поднять снова вопрос о расчетных книжках, назначив срок для принятия их 12 апреля, т. е. приблизительно через месяц. Впоследствии рабочие выну́ждены были, под угрозой новой расправы и закрытия завода, покориться и принять книжки, затаив в себе ненависть и окончательно убедившись в невозможности для них сколько-нибудь прочного соглашения с царским правительством.

В частном письме Уфимского окружного инженера Кихлера к Боклевскому сохранились достойные внимания сведения о самочувствии «отца Златоустовской бойни»—губернатора Богдановича после расстрела. «На следующий день по приезде из Петербурга»,—пишет Кихлер,—он был у меня, чтобы лично рассказать о происшествии...

«Рассказывая, Н. М. часто обращался ко мне с вопросами: «Как вы думаете, так ли я поступил, как следовало поступить? Но, голубчик, как бы вы поступили на моем месте?»

«Меня обвиняют, говорил Кихлеру Богданович, что я, не обдумавши, что я делаю, поступил так. Но даю вам честное слово, что я поступил в полном сознании того, что я делаю, я не видел другого исхода.

«Государь император по докладу министра одобрил мой поступок, что меня и успокаивает».

«Тогда я ему ответил: «Николай Модестович! уже одно то, что государь император одобрил вас,

Приговоръ

Боевая Организація Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, выполняя лежащій на ней гражданскій долгъ, считаетъ себя вынужденной приговорить виновника звѣрской расправы надъ Златоустовскими рабочими Уфимскаго Губернатора Н. М. Богдановича — къ смерти.

Приведеніе приговора въ исполненіе поручается членамъ Боевой Организаціи.

Боевая Организація
Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

С. Петербургъ
27-го Марта 1903 г.

должно вам дать сознание, что вы исполнили тольк свой долг,—и это сознание должно вас вполне успокоить»*).

Богданович, действительно, скоро «успокоился», убитый в Уфе 1903 г., по приговору боевой организации партии С-Р.

Между тем, в Златоусте на второй же день после расстрела начались массовые аресты. Опять было взято несколько мастеров и до сотни рабочих, в том числе четыре женщины. Многие из них впоследствии отправились в ссылку в Астраханскую, Архангельскую и др. губернии; в числе их два брата покойного Тютева. Выслали даже 64-х летних стариков. Характерно, что при этих арестах жандармский ротмистр сказал, что в Златоусте «всех крамольников взять все равно невозможно, ибо даже малые ребята и те заражены пропагандой».

Однако, правительство не удовлетворилось этими арестами и после долгих жандармских и судебно-следственных операций, 19 человек, обвиняемых по делу о рабочих беспорядках гор. Златоуста, в порядке 1035 ст. Ул. Угол. Суд., по обвинению по 318 ст. Улож. о Наказ., пошли на каторгу и на поселение.

От идеологически неоформленного кружка революционеров, через организованную стачечную борьбу к кровавому столкновению—таков был путь, пройденный златоустовцами за короткий период времени с 1892 по 1903 год.

В общем ходе истории русской революции обыкновенно отмечают поворотным этапом—9-е января 1905 года. 13 марта 1903 года было уральским «9 января», Правда, в связи с общим состоянием рабочего движения того времени оно не могло сы-

---

*) Областное Архивное Бюро, фонд УГУ, 1903 г. дело № 11, стр. 27.

«МНОГОУВАЖАЕМЫЙ ПОЛИЦИЙМЕЙСТЕР! ГУБЕРНАТОРА Я ЗАСТРЕЛИЛ, И ТА ЖЕ УЧАСТЬ И ВАС ОЖИДАЕТ. В СКОРОМ ВРЕМЕНИ И ОТДАДИДЕ БОГУ ДУШУ. МЕНЯ НЕ СТАРАЙТЕСЬ РОЗЫСКИВАТЬ, НЕ НАЙДЕТЕ».

грать той же роли, что и «9 января 1905 г.» Но весть о расстреле 13 марта не осталась бесследна. Уральский Рабочий Союз и его Восточная группа широко использовали Златоустовский расстрел, распространив по заводам свои листовки о нем, что, несомненно, имело большое революционизирующее влияние на уральских рабочих.

V.

От 9 января до всероссийской октябрьской забастовки.

Выше указывалось, что в 1901 году в Уфе возникла революционная организация, получившая название «Об'единенной Уральской группы С-Д и С-Р». После расстрела 13 марта эта группа подверглась разгрому, вырвавшему из ее рядов лучших работников, что и привело, в конечном итоге, к ее ликвидации. Так окончился странный и об'яснимый только местными условиями (общая слабость организующего партийного элемента, малочисленность активных работников и проч.) союз наследников народовольствующей интеллигенции с нарождавшейся на Урале чисто пролетарской партией.

С этого времени социал-демократическая и эсэровская группы Южного Урала окончательно обособились. В том же 1903 году в Уфе была сделана попытка сформировать самостоятельную организацию РСДРП с распространением ее влияния на окрестные заводы, в том числе и на Златоуст. До нашего времени сохранились, относящиеся к 1904 году прокламации, издания Уфимского К-та, размножаемые при помощи гектографа.

Следует отметить, что, по материалам архива Уфимского губернского жандармского управления (рукопись неизвестного автора, захваченная поли-

цией в 1907 году при аресте т. т. Зайкова и Плотниковой), сведения о распространении группы РСДРП на Южном Урале излагаются несколько иначе. Рукопись указывает, что в январе 1903 года от «Уральского Союза» отделился «Уфимский Рабочий Комитет», принявший в феврале того же года название «Уфимского К-та РСДРП». Редакции этого комитета якобы принадлежат все номера «Уфимского Листка», а также брошюры и прокламации «К гражданам», «Письмо очевидца», «К обществу» и пр., отпечатанные в т. н. Уральской типографии.

Так или иначе, но к концу 1903 года в Уфе уже несомненно существовала социал-демократическая организация, создавшая свой филиал и в Златоусте, параллельно с организацией эсэров.

В то же время в Екатеринбурге, из отдельных с-д кружков, организовался Средне-Уральский Комитет РСДРП, возникший на развалинах Восточной группы Уральского союза»*).

В конце 1904 года, после проделанной им в довольно крупных размерах пропагандистской работы и произведенного об'езда партийных ячеек в губерниях Уральского края, в Екатеринбурге был созван с'езд партийных работников Области, постановивший основать для Уфимской, Вятской, Пермской и Оренбургской губернии Областной Уральский Комитет РСДРП.

Вследствие этого решения, златоустовская организация смогла теснее связаться с Екатеринбургом, фактическим центром социал-демократической работы на Урале. Установлению такой связи весьма способствовало также и то обстоятельство, что мно-

---

*) В. Быков: «Из жизни Уральской организации», стр. 10-11. ЕКБ, 1923 г.

гие златоустовские партийцы, бывшие ученики Уральского горного училища, поддерживали традиционную связь со своими соучениками-подпольными работниками Екатеринбурга.

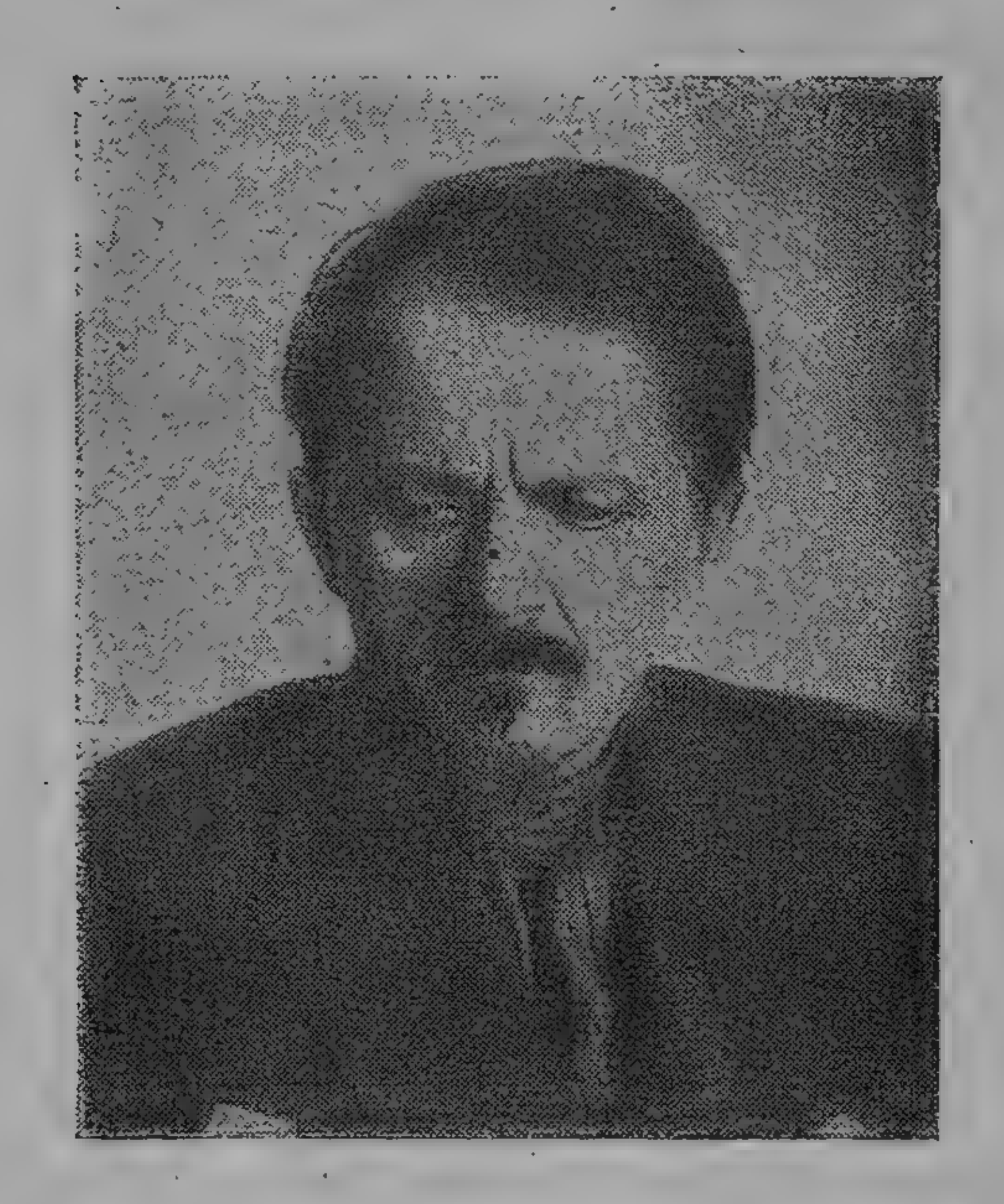
Жандармские дела за 1904 год, в общем, довольно бедные по содержанию, сохранившимися в них агентурными сведениями, указывают на непрерывно продолжавшуюся в Златоусте пропагандистскую работу и кружковые занятия среди рабочих завода, несмотря на то, что организация после мартовских арестов подвергалась непрерывным гонениям и преследованиям.

СКВОРЦОВ А. Б.

В златоустовской организации в это время собрались крупные политические силы — «Потац» — Александр Борисович Скворцов, (брат случайно убитого в 1917 году Ник. Бор. Скворцова), Быков В.М., член ком. орган. и литератор, — Кадомцев, Кокшин, рабочий железнодорожного депо, Кривов «Граф», Неволин Н., Золотарев, Кудымов и М. Назаров. Кроме того, в организацию влилась группа рабочей молодежи, небольшая по численности, но в высшей степени ценная по ярко определившемуся политическому мировоззрению (Чалпан, Пудовкин, Павдик и др.). К этому времени относится появление нового оттенка (течения) в части организации, вылившегося впоследствии в так называемую боевую группу.

Основной кадр ее, между прочим, значительно окреп со времени освобождения, после оправдания судебной палатой, и возвращения к работе Варганова, Алашева и Попова в декабре 1904 года. Таким образом, мы видим, что к 1905 году Златоустовцы смогли подойти не в разброд, но имея во главе, хотя и малочисленную, но хорошо организованную группу и большой опыт классовой борьбы, полученный в 1903 году.

Быков В. М.

Приступая к изложению событий, развернувшихся в Златоусте в 1905 г, мы считаем необходимым подчеркнуть еще одну особенность обстановки подпольной работы,—особенно сильно отличающую 1904 и 1905г. от предыдущего периода.

После упомянутого нами выше обособления пропагандистской и организационной деятельности социал-демократов, как и соц.-рев., между ними началась ожесточенная борьба за влияние на рабочих. Златоустовская организация не избегла этой борьбы, которая принимала временами, особенно в 1905 г., весьма ожесточенные формы.

В этом отношении златоустовцам много помогла связь с Екатеринбургом, через который они получали довольно регулярно руководящий материал общеидеологического и организационного порядка.

Расстрел рабочих 9-го января в Петербурге, как известно, вызвал во всей стране широкую волну рабочих забастовок протеста. Кажется, не было ни одного более или менее значительного промышленного района, где рабочие, так или иначе, не были бы захвачены этим движением.

Уральские рабочие также не остались в стороне от этого движения. Правда, в общей картине забастовочной волны, вызванной 9-м января, Урал и Златоуст в частности занимают весьма скромное место.

Январские события вызвали в Златоусте на первых порах только толки и притом самого фантастического содержания. Говорили, что петербургские события будут разбираться иностранными монархами, «которые обнаружат все наши мошенства и дадут начальствующим лицам жару». Говорили, что царь скрылся из столицы «неизвестно куда от неприятности». Носились слухи, что на Кавказе запасные отказываются от военной службы и проч.*).

Несмотря на массу разбросанных по цехам прокламаций о событиях 9-го января, местные власти в своих донесениях констатировали отсутствие среди рабочих «особенного возбуждения». Однако, жандармы все же усилили слежку, особенно тщательно доискиваясь организационных связей со столичными партийными группами.

15-го января жандармский полковник Артемьев доносил департаменту полиции, что «по полученным сведениям, в г. Златоусте ожидается прибытие

*) Цитировано по А. Кийкову «Из былого Урала», стр. 35.

участников произошедших в последние дни в С.-Петербурге беспорядков, преимущественно студентов, для агитации к устройству местными рабочими такой же забастовки; по тем же сведениям, петербургские забастовщики обращались к златоустовским рабочим, прося поддержки и быть с ними солидарными.

Установлено, что рабочий больше-прокатного цеха Хлебников (за златоустовские беспорядки сидел в тюрьме) весьма сочувственно относится к петербургским забастовщикам, высказывая, что «они стоят за правду». Когда между рабочими возникла мысль о поднесении шашки, в виде подарка, генерал-ад'ютанту Стесселю, он, Хлебников, не только сам не подписался, но еще и других своих товарищей подбивал к тому же.

Но как жандармы ни старались все же проморгали первую серьезную демонстрацию, устроенную златоустовскими рабочими совместно с интеллигенцией в конце января на станции железной дороги при отправке «политических» арестантов в Уфу. По словам полицейского донесения, «публика целовала арестованных, снабжала их деньгами, белым хлебом и табаком; многие высказывали убеждение в скором их возвращении», а присутствовавших при этом жандарма и городового «называли кровопийцами»*).

Читая жандармские материалы за 1905 год, невольно обращаешь внимание на то, как меняются времена. В 1903 году сотню рабочих расстреляли за гораздо более скромное поведение во время разговора с губернатором, а теперь, спустя 2 года, жандармерия пропускает уже мимо ушей бросаемые ей в лицо названия кровопийц, «пуд» и проч. комплименты.

---

*) Рапорт златоуст. полиц. надзирателя от 30-I-1905 г. (А. Кийков). «Из былого Урала», стр. 35.

Приходилось заниматься более «серьезными» делами.

«В ночь на 15-е сего марта»,—доносит уже упомянутый нами полковник Артемьев—«в г. Златоусте были распространены в ограниченном количестве преступные прокламации, ранее уже появлявшиеся, в числе коих имеется несколько экземпляров вновь появившихся, повидимому местного изготовления, под заглавием: «13 марта—день зверства»*).

«Мрачным и гнусным тиранством запечатлен этот день, когда по дикому произволу правительства истребляли товарищей, кормильцев и лучших друзей многих семейств...», так начинается прокламация. Указывая дальше, что «на Дальнем Востоке гибнут сотни тысяч лучших здоровых людей за то, чтобы отвоевать клочок земли, пункт, где русский торговый кулак мог бы с успехом сбывать свой залежавшийся годами товар, от которого ломятся амбары и склады богача в то время, когда русский мужик пухнет и мрет от голода и холода... А дадут ли хоть квадратный аршин бесплатно тому, кто нуждается в завоеванной земле, как в кормилице?..

Нет... Дома, как врагов, их душат, стреляют лишь за то, что они, истощенные и изнуренные долгим тяжелым трудом, просят смягчить тяжелый гнет»...

Прокламация заканчивалась призывом: «Довольно, товарищи, покорно склонять свои головы перед пастью жадных господ правителей-грабителей».

Вспомните, что «все, чем держатся их троны, дело рабочей руки».

А что будет, если «сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки?»**)

---

*) Дело деп. пол. общ. о. № 5, ч. 28, 1905 г., стр. 33.
**) Дело деп. пол. о. о. № 5, ч. 28, 1905 г., стр. 134.

С минуты на минуту ожидая этого решительного «привинчивания штыков» и изыскивая все меры к предотвращению выступления рабочих, жандармы, понятно, не могли попрежнему «тащить и не пущать» всех называвших их кровопийцами.

Около этого же времени в Златоусте появился политический ссыльный тов. Романенко—социал-дедократ. Тов. Романенко с первых же дней стал выступать на митингах и собраниях, где перед рабочими массами в своих речах широко раз'яснял программу социал-демократической партии и призывал рабочих к организации.

Некоторые рабочие стали после митингов собираться в небольшой кружок, где тов. Романенко знакомил их с работой партии и партийной программой.

После таких бесед было создано что-то вроде временного комитета, в который вошли рабочие: Чудайкин Алексей, Стуков Геннадий, Кашин Николай, Ульянов Федор, Гостев Михаил, братья Пудовкины, Галдин Иван и Хрущев Иван.

Вскоре тов. Романенко был арестован и работу пришлось вести рабочим, мало еще подготовленным к подпольной работе.

Всю организационную работу взяли на себя т. Галдин Иван, по кличке «Федот» и Пудовкин, Павел, по кличке «Евгений», как более подготовленные к партийной работе. Под руководством тов. Федота и Евгения златоустовская социал-демократическая организация восстановила связь с уфимской и екатеринбургской организациями, откуда и стали приезжать партийные работники*).

Весна прошла сравнительно спокойно, спокойно провели рабочие и день первого мая. Открытые

*) Заимствовано из ст. М. Назарова: «Как родилась и работала подпольная организация соц.-дем. в Златоусте». (Неизданные материалы Урал-истпарта).

волнения начались только с июля месяца, сначала в форме обширных собраний, а затем и забастовок. На этот раз инициатива исходила от рабочих железнодорожников депо ст. Златоуст, в котором в то время числилось до 450 человек

ТОВ. РОМАНЕНКО.

К рабочим депо присоединились также машинисты, кочегары и поездная прислуга. 4 июня эти рабочие, через двух своих депутатов Цудинова и Сорокина, выбранных для разных сношений по делам рабочих, обратились к заведывающему депо, инженеру Васильеву, с просьбой разрешить им устроить 9 июля общее собрание для обсуждения своих дел. Разрешение было дано вместе с разрешением устроить 8 июля собрание собственно-рабочих депо. 8 числа вечером, после работ, на сходку собралось до 200 человек и был поднят вопрос об устройстве забастовки, по примеру проводимых железнодорожными рабочими в Челябинске, Самаре и Уфе. Когда на собрание пришел инженер Васильев, то ему рабочие подали ряд словесных заявлений, сводившихся к тому, что жизнь во время войны вздорожала, что рабочие на ст. Златоуст исполняют свое дело одинаково с рабочими в Челябинске и на станциях Сибирской дороги и что в виду этого они выдвигают следующие требования:

1. Увеличение рабочей платы—поденным рабочим до 80 копеек (получали 60 к.—А. Б.) и при-

бавка к жалованью штатным мастеровым, получавшим меньше рубля,—40 проц., мастеровым, получавшим от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.—25 проц., а мастеровым, получавшим более 1 руб. 50 коп.—15 проц.; также повысить плату ученикам до 50 коп. в день (получали 30 коп.—А. Б).

2. Уплата так называемых «мобилизационных» денег за время войны, в размере отпуска, произведенного в Челябинске, и

3. Отмена вычетов на военный флот.

Во время переговоров Васильева с рабочими несколько человек из толпы отправились в депо и уговорили ночную смену бросить работу и итти на сходку. После собрания рабочие разошлись по домам, и ночью работы не производились.

9 июля утром администрация распорядилась не пропускать рабочих в депо, опасаясь порчи ими машин и инструментов. Около 8 часов утра перед зданием депо собралась толпа около 200 человек, с которой Васильев вступил в переговоры, убеждая их встать на работу. Рабочие вели себя мирно и говорили преимущественно через выборных: т. т. Кудымова, Сорокина, Шипицина и Бородина. Когда Васильев по телеграфу передал в Самару просьбу рабочих о вызове начальника службы тяги Самаро-Златоустовской жел. дор. для обсуждения их претензий, депо полностью возобновило работу. Требования рабочих были в основном скоро удовлетворены администрацией дороги.

VI.

Всеобщая октябрьская забастовка и „дни свободы“ в Златоусте.

Сообщая об июльской забастовке в Петербург, губернское жандармское управление высказало уверенность в том, что она «поличической подкладки

не имела и произошла лишь потому, что рабочие, уже неоднократно подававшие заявления, потеряли надежду обратить внимание начальства на их просьбы об увеличении заработной платы».

Но вскоре забастовки начали принимать и политический характер. 13 октября златоустовские железнодорожники получили телеграмму с предложением поддержать общую забастовку московских железных дорог. После короткого обмена мнениями через делегатов, забастовали все мастеровые ст. Златоуст и телеграфисты. К ним присоединились служащие движения, загородили ночью путь на Челябинск сведенным с рельс паровозом и забили помещение телеграфа, не допуская туда начальника станции, хотя сами время от времени пользовались телеграфными сигналами. Так началась в Златоусте всеобщая октябрьская забастовка.

14 октября по городу стали циркулировать слухи о предстоящей забастовке среди заводских рабочих и в тот же день в некоторых цехах появились расклеенные воззвания, предлагавшие рабочим воспользоваться случаем и потребовать увеличения заработной платы.

Того же числа в первую смену рабочие снарядного цеха, собравшись толпой перед конторой, просили управителя завода улучшить их материальное положение и отменить обыск при выходе с завода. Некоторые из этих требований управитель обещался исполнить. Однако, на другой день с утра работы почти во всех цехах были прекращены.

«Сего числа утром,—писал горный начальник Зеленцев в вывешенном им об'явлении,—управитель завода доложил мне, что, за малым исключением, работы на заводе приостановились по желанию рабочих, которые их произвольно оставили, или не вышли на работу и затем пред'явили требования.

Такая произвольная остановка работ, помимо того, что незаконна, нарушает заводский распорядок и убыточна для казны и для самих рабочих.

На основании изложенного, для устранения подобного беспорядка, от меня рабочим златоустовского завода предлагается приступить с понедельника, 17 числа октября, к обычным занятиям и работам. Всякие рассмотрения и переговоры о нуждах рабочих могут вестись и при работах, тем более, что нужды эти не могут быть слишком серьезны и неотложны при существующих платах, заводских порядках и условиях жизни.

Обращаясь к благоразумию рабочих, смею надеяться, что в понедельник работы возобновятся и должный заводский порядок восстановится».

В ответ на это, в ночь на 15 октября, рабочие снарядного цеха в числе 160 человек, собравшись на сходку, постановили провести общую забастовку всего завода и отправились по мастерским, прекращая работы. Движение быстро охватило весь завод, несмотря на противодействия высланного наряда полиции. Прекратив работу, часть рабочих, преимущественно молодежь снарядного и механического цехов, собралась во дворе завода.

Явившемуся управителю завода рабочие через своих делегатов пред'явили требования об увеличении сдельной заработной платы на 25%, а поденной на 25 коп. всем без исключения, об отмене штрафов и обысков в проходной и, кроме того, пред'явили много отдельных требований по разным цехам.

В ответ на пред'явленные требования, управитель завода Гертум предложил рабочим собраться по цехам и точно обсудить свои нужды по каждому цеху, повидимому, стремясь этим внести раскол в забастовку. Рабочие от этого решительно отказались, настаивая на разрешении собраться

для обсуждения своих нужд не по цехам, а всем вместе в помещении арсенала. Управитель завода, видя настойчивость рабочих, в конце концов, принужден был разрешить им собраться в помещении арсенала.

Как видим, тактика администрации по отношению к рабочим значительно изменилась по сравнению с той, которая применялась ею в памятные дни 1903 г. Вместо расстрела, как единственной меры в борьбе с рабочим движением,—внешне миролюбивый тон, уговоры, ссылки на долг службы, разрешение собраний и т. п. Эта перемена об'яснялась той растерянностью и неуверенностью, которые царили в то время повсюду среди администрации под влиянием все нараставшего революционного движения, грозившего, при нежелании считаться с требованиями масс, вылиться в форму активного выступления в виде вывоза на тачке, изгнания с завода и т. п. Ктому же у заводской администрации не было уже прежней уверенности в самой вооруженной силе, которая ей давала прежде перевес в борьбе с рабочими.

На другой день, 16 октября, в арсенале состоялось совещание забастовавших рабочих в числе около 500 человек. На совещании были выработаны требования, состоящие из следующих 15-ти пунктов:

1. Надбавка поденной платы на 25 коп.
2. Задельной платы на 25%.
3. Отмены обысков.
4. Отмены штрафов.
5. Введение 8-ми часового рабочего дня в тех цехах, где работают 9-10 часов.
6. Установление 8-ми часового рабочего дня, как нормы в условиях найма.
7. Разрешение рабочих собраний в казенных помещениях.

8. Допущение выборных от рабочих к оценке работ.

9. Введение экспертизы при оценке проб.

10. Допущение выборных от рабочих к разбору недоразумений между рабочими и заводоуправлением.

11. Участие рабочих при составлении протоколов об увечьях, с подписанием их рабочими делегатами.

12. Установление продолжительности рабочего времени подростков до 16 лет в 6 часов.

13. Улучшение технических условий по всем цехам.

14. Распространение предполагаемого увеличения зарплаты на женщин и детей.

15. Установление рабочего дня для малолетних в 2 смены: первая с 8-ми часов утра до 2-х час. дня и вторая с 2 часов дня до 8-ми час. вечера.

Нужно отметить, что забастовка протекала не совсем дружно, т. к. некоторые рабочие попрежнему продолжали выходить на работу. 16 октября на работу вышло: на 1-ю смену—176, на 2-ю—34 и на 3-ю—47 человек; 17-го числа вышло: на 1-ю смену—1485 челов., на 2-ю—355 и на 3-ю—194 человека; 18-го числа на 1-ю смену—1953 и на 2-ю—631 чел., вместо обыкновенных: 1-й смены—2250, 2-й смены—750 и 3-й смены—350 человек. Желающие работать выходили в завод под охраной пеших и конных патрулей во избежание столкновения с забастовавшими. Случаев насилий со стороны последних, однако, не наблюдалось.

Заводоуправление, учитывая наблюдавшийся в эту забастовку некоторый разлад в рабочей среде, не намеревалось сдаваться. Отказав в удовлетворении почти всех пунктов коллективного требования, оно об‘явило, что не вышедшие на работу до 18 октября будут считаться самовольно нарушив-

шими условия найма «согласно ст. 105 устава о промышленности» и что с таковыми рабочими будет расторгнут договор. К 18 числу напряженное состояние, охватившее все рабочее население Златоустовского завода, достигло больших размеров; особенно резко начала проявляться озлобленность забастовщиков по отношению к непрекратившим работы. Трудно сказать, какие формы приняло бы движение, если бы не опубликование манифеста 17 октября, давшего мирное разрешение забастовке.

В этот день в местном соборе, «по окончании божественной литургии», был прочитан манифест. В тот же день около 4-х часов пополудни толпа молодежи до 500 человек, преимущественно забастовавших рабочих и служащих Златоустовской железно-дорожной станции и частью рабочих завода, вышла с вокзала в город с железно-дорожным оркестром музыки и с 5-ю красными флагами с лозунгами «Да здравствует свобода».

Демонстранты держали себя весьма мирно и предварительно даже попросили позволения у исправника «отслужить на городской соборной площади молебен по случаю воспоследования манифеста». По окончании молебна и панихиды по убитым, толпа с криками «ура», «Да здравствует свобода» разошлась по направлению к вокзалу. Так начались «дни свободы» в Златоусте.

На другой день, 22 октября, рабочие под звуки оркестра прошли в завод, где в помещении эфесного цеха была устроена ими закуска отдельно по каждому цеху на средства приказа и подписки среди рабочих. На праздник этот рабочими были приглашены: горный начальник, исправник и некоторые из чинов администрации.

Эта демонстрация «мирного сожительства» рабочих и администрации не была для того времени

случайной. Единодушие, с которым самые различные общественные группы приняли манифест 17-го октября, создало в первый момент в широких слоях населения иллюзии единства и общенациональной победы, примерно, такие же, как в известные мартовские дни 1917-го года после свержения самодержавия. В Златоусте так же, как и всюду, разнородность политических и социальных интересов, связанных с осуществлением дарованных свобод, прикрывалась в первые дни всеобщим политическим под‘емом, когда, казалось, что нет уже прежних трудностей на пути улучшения экономического и политического положения рабочих масс.

Но эти иллюзии скоро рассеялись.

Уже 23-го октября, т. е. на третий день, рабочие собрались в числе около 2000 человек с красными—в знак свободы—и черными флагами—в знак печали по убитым в мартовский расстрел. На этот раз в демонстрации принимали участие исключительно одни рабочие, а из других общественных слоев населения лишь отдельные представители интеллигенции: учителя, учительницы, врачи и другие. Толпа демонстрантов с криками «Да здравствует свобода» и пением революционных песен ходила по городу. Около дома горного начальника на месте расстрела и на кладбище, где были похоронены убитые, толпа пропела вечную память. Устроив затем враждебную демонстрацию перед домом врача Назарова, нелюбимого заводским населением, рабочие разошлись под крики «Да здравствует свобода» и «Долой самодержавие». Несмотря на это, демонстрация прошла без каких-либо столкновений с солдатами местного гарнизона и раз‘ездами стражников.

В первые же дни по об‘явлении свобод из подполья вышли на широкую политическую арену и революционные организации. Началась полоса от-

крытых собраний и митингов, на которых широкие массы рабочих получали свое первое политическое крещение, знакомясь с программными требованиями соц.-дем., соц.-рев. и др. партий и тем самым втягиваясь в обсуждение злободневных политических вопросов. В этих новых условиях златоустовским соц.-демократам приходилось уделять особое внимание на агитацию соц.-революционеров.

Не проходило ни одной массовки, митинга, беседы, пишет В. Быков в своих воспоминаниях об этом периоде, чтобы выступавший товарищ не имел очередной стычки с эсэром, чтобы они не устроили «дискуссии». Последнее слово, тогда, по крайней мере, у подполья, имело лишь узкое значение— схватка с эсэром... «Пришел эсэр, устроили дискуссию»,—сообщал обыкновенно запыхавшийся товарищ, вернувшись с митинга.

С меньшевиками было легче: сколько они не талмудили на рабочих собраниях, сочувствия к себе не вызывали. Кроме того, при наличии почти постоянно третьего противника—эсэра, в дискуссию с меньшевиками на открытых собраниях вступали реже и вели с последними борьбу на партийных собраниях, в кружках и проч. *).

Сами эсэры, повидимому, сознавали незначительность роли, которую им приходилось играть в Златоусте; во всяком случае, они никогда не делали серьезных попыток к борьбе против захвата социал-демократами в свои руки инициативы при всех крупных организованных выступлениях златоустовского пролетариата. Соц.-дем., в свою очередь, не препятствовали эсэрам монополизировать крестьянское движение в уезде. Такое «разделение

*) В. Быков: «Подполье», стр. 8, ЕКБ., 1923 г.

труда» составило как бы основу для временного перемирия, хотя часто нарушаемого в повседневной работе.

Таким образом, в Златоусте, как и везде в горнозаводских районах, руководящая роль в рабочем движении в конце 1905 г. оставалась в руках социал-демократов.

VII.

Рабочая власть в Златоусте в декабре 1905 г.

Быстро прошел угар «дней свободы». По всей России снова прокатилась волна забастовок, переходящих в открытые вооруженные столкновения.

В Златоусте в половине ноября также вспыхнула забастовка. 13 ноября на работы не вышли рабочие прокатного и эфесного цехов, а 18 ноября забастовал весь завод. К забастовке не примкнули лишь 2 цеха.

Требования рабочих носили исключительно экономический характер и сводились к 18 пунктам; среди них были такие, как повышение расценок на 15%, увеличение пенсии инвалидам, организация товарищеских судов, изменение системы штрафов и т. п. Требования были признаны горным начальником «чрезмерными и в главном неподлежащими его компетенции».

Из донесений жандармов видно, что рабочие чувствовали себя в то время хозяевами города, бесцеремонно выдваряя полицию с митингов и оказывая сопротивление при попытках арестов агитаторов. Революционное настроение распространилось так широко, что даже к содействию местного гарнизона полиция не рисковала обращаться, «в виду

сочувствия воинских чинов агитации»; поэтому, по ее мнению, необходима была «скорейшая присылка сторонней вооруженной силы для охраны порядка».

В Златоусте,—телеграфировал министру внутренних дел Уфимский губернатор Цехановский,—было сравнительно спокойно до последнего времени, когда явились 2 приезжих из Самары агитатора, подчинившие в несколько дней своему влиянию рабочее население златоустовского железно-дорожного депо и завода, числом в общем до 7000 человек. Полиция пыталась задержать агитаторов, но рабочие задержания не допустили. Рабочие самовольно организуют митинги, не подчиняются полиции, держат в страхе власти и пред'являют чрезмерные требования.

В такой обстановке началась ноябрьская забастовка.

Некоторые подробности о ней освещает обвинительный акт казанской судебной палаты по делу Голлендера, Романенко и др. 17 ноября рабочие завода собрались на площадь у здания арсенала и потребовали отдачи его под собрания. «Здание, выстроенное нашими дедами и отцами, несомненно должно принадлежать самим рабочим»—заявили они. Вначале горный начальник ответил на это отказом, но, видя возбужденное состояние и готовность рабочих перейти от слов к действиям, упросил их выждать разрешения на занятие арсенала под митинги от начальника уральских горных заводов.

Забастовка закончилась 20 ноября, с частичным удовлетворением требований рабочих. Расценки были увеличены только на 8% и брожение продолжалось.

Судя по следственным материалам, во главе рабочего движения на Урале в то время стояли старые партийцы, частью только что вернувшиеся из-

ссылки по манифесту 17 октября,—В. И. Рогожников, И. Д. Плечев, Д. М. Рябов, Е. Д. Чурилов, М. М. Мунин и другие.

На митингах часто говорилось о полной непригодности существующего в России государственного строя, необходимости борьбы с ним и созыва Учредительного Собрания.

По словам Кийкова, одного из участников движения, выступавшие на собраниях ораторы, призывая бороться за созыв Учредительного Собрания, предлагали «налоги не платить, солдат не давать и вооружаться». В депо станции Златоуст ораторы тоже призывали к борьбе за 8-ми часовой рабочий день, который, по их словам, нужно было «взять с оружием в руках» и т. д. Кроме того, на митингах требовали упразднения существующей в г. Златоусте полиции, с передачей охраны порядка самим рабочим.

Между тем, положение в Златоусте складывалось для местной власти весьма неблагоприятно: власть агентов правительства все более и более становилась номинальной. Они это хорошо видели и принимали меры к вызову в Златоуст казаков для наведения порядка. «Для поддержания власти и порядка,—телеграфировал министру внутренних дел Уфимский губернатор Цехановский,—я распорядился направить в Златоуст одну из двух казачьих Оренбургских сотен, назначенных из Верхне-Уральска, ожидаемых в первых числах декабря». Известие о назначении казаков в Златоуст вызвало среди городского и рабочего населения сильное возбуждение. Рабочие стали усиленно вооружаться, производя на это сборы, чтобы вооруженным сопротивлением не допустить прихода казаков в город *).

*) Дело деп. пол. 2 д-во 1905 г., № 368.

Вышеизложенные сведения подтверждаются и в материалах мемуарного характера. Именно со времени угрозы в присылке казаков началось в Златоусте формирование рабочих боевых дружин.

В связи с этим местная организация РСДРП выпустила прокламацию под заглавием «Что делать дальше». Эта прокламация содержала в себе вполне ясную программу действий, которые должен был предпринять пролетариат для своего дальнейшего освобождения.

«...Нам нужно вооружаться. Вооружаться, где, когда и кто как может, но помнить, что это не шутка, не прихоть, а насущная необходимость. Вооружаться и быть готовым ежеминутно выступить на защиту своих прав...

...Удержать завоеванную свободу в своих руках— вот наша первая задача. Свобода политическая— свобода слова, союзов, собраний, печати, неприкосновенности личности—для нас, товарищи, это только оружие для дальнейшей борьбы.

...Нам мало свободы. Нам нужно есть, пить, одеваться, нам нужно образование, нужно иметь досуг, нам нужно быть людьми, а не машинами капитала. Мы стремимся к такому строю жизни, когда не будет хозяев, нанимающих рабочих,—и рабочих, продающих свой труд. Этот строй—социализм— недостижим без борьбы с капиталом. Их богатство— фабрики, заводы, машины надо отнять, но не разграбить, не уничтожить, не разделить: а отнять у них и сделать собственностью всего общества *).

Вооружение рабочих крайне угнетающе подействовало на настроение златоустовской буржуазии, начавшей брать свои вклады из государственной сберегательной кассы.

---

*) Заимствовано из ст. М. Назарова: «Пятый год в Златоусте», стр. 3—4. (Неизданные материалы Урал-истпарта).

Городская управа решила послать к Уфимскому губернатору депутацию с целью просить его не принимать по отношению к городу репрессивных мер и не вызывать казаков, чтобы тем самым предупредить возможность вооруженного столкновения. 28 ноября упомянутая депутация, действительно, была послана. В состав ее вошли следующие пять лиц: инспектор ремесленного училища Шекуньянц, заводский мастер В. В. Огарков, служащий в земской управе Мунин и рабочие Рябов и Чурилов.

7 декабря снова началась забастовка железнодорожных рабочих и служащих, по требованию Центрального Стачечного Комитета. Железнодорожники склоняли и заводских рабочих бастовать, но большинство рабочих не пошло на стачку. Вместо этого, на совместной сходке железнодорожников и заводских рабочих 10 декабря было решено, во-первых, сделать со всех рабочих денежный сбор в пользу бастующих в размере трехдневного заработка с каждого и, во-вторых, на следующий день устроить демонстрацию. Ставились на сходке, как утверждает жандармское донесение, на обсуждение вопросы о разоружении полиции и захвата заводской кассы и казначейства. Эти разговоры вызвали созыв исправником совещания из представителей горных учреждений, в результате которого было постановлено сосредоточить все наличные вооруженные части в определенном месте и телеграфировать губернатору о высылке казачьей сотни. О том же телеграфировал и жандармский ротмистр.

На следующий день состоялась грандиозная демонстрация рабочих. Собравшись на площади у собора, они двинулись к вокзалу, где соединились с железнодорожниками, повернули обратно к городу и прошли по его улицам с музыкой, пением рабочей марсельезы и красными флагами с надписями:

«Долой царское правительство», «Всенародное Собрание», «Свобода, равенство и братство».

Между тем, забастовка на железной дороге, как выразился жандармский полковник, «приняла не те результаты, которые от нее ожидали». Задачей было вовсе прекратить товарное и пассажирское движение и не передавать телеграмм. Между тем, движение только расстроилось, так как часть рабочих и служащих продолжали работать.

Приход около 15 декабря в Златоуст сотни казаков имел, по словам того же полковника, «некоторое отрезвляющее влияние на рабочих железной дороги». 16 декабря стали продавать билеты на пассажирские поезда, а с 16 числа восстановилось и товарное движение.

Декабрьская забастовка железнодорожников была последней крупной вспышкой рабочей революции в Златоусте.

Сравнительная организованость рабочих масс, а также фактический захват власти в городе революционной организацией дали повод правым газетам, в частности «Новому Времени», поместить провокационные сообщения о провозглашении в Златоусте республики с Советом Рабочих Депутатов во главе. Эти сообщения, в свою очередь, послужили видимой причиной к введению в Златоусте положения о чрезвычайной охране, во время которой всякие явные проявления рабочего движения стали, конечно, невозможными.

VIII.

Упадок и итоги движения.

С ликвидацией декабрьской забастовки в Златоусте революционное движение пошло на убыль.

Местная администрация, так мягко разговаривавшая с рабочими в октябрьско-декабрьский пе-

риод, перешла в наступление, начав преследование против рабочих, сколько-нибудь проявивших себя в волнениях этого года.

«Златоустовский уездный исправник»,—писал Уфимский губернатор Боклевскому,—просит, в интересах восстановления должного порядка на заводе и поднятия авторитета заводской администрации, возбудить ходатайство об увольнении с Златоустовского завода главарей рабочих: Дм. Мих. Рябова, Алекс. Ив. Огаркова, Петра Ст. Тютева, Абр. Вешенковского, Алекс. Тютева, Ивана Нужина, Ив. Дан. Плечева, Мих. Скоморохова, Фед. Беклемишева, Кузьму Комарова, Дан, Голованова, Павла Алашева, Ив. Комарова, Ив. Сыромолотова, Ал. Ванина, Ст. Лоськова, Якова Ванина, Ивана Крашенинникова, Абдул-Фаиза, Еганьшина, Дм. Кондратьева, Григ. Азеева. Петра Иварцева, Вас. Зеленина, Ивана Корчагина, Мих. Тарасова и Кельсия Проколова, а также состоящего в горнозаводской аптеке аптекарского помощника Михаила Коган.

Вполне разделяя взгляды заводского исправника, я покорнейше прошу ваше превосходительство сделать распоряжение о скорейшем увольнении с Златоустовского завода вышеупомянутых лиц и о последующем с вашей стороны распоряжении не отказать в возможной скорости меня уведомить*).

Мало того, по использовании распоряжения губернатора, Боклевский писал в Златоуст, что «выдавать уволенным рабочим какую бы то ни было плату вперед, как уволенным без предупреждения, он не находит возможным, так как требование об увольнении применено, как одна из карательных

*) Областное архивное бюро, фонд УГУ 1925 г., арх. № 16

мер совершенно так же, как если бы уволенные рабочие были арестованы или высланы административным порядком» *).

Однако, работы подпольных организаций, несмотря на преследования, продолжали развиваться. Уже весной 1906 года уцелевшими членами организации вновь формируется социал-демократическая группа, устанавливается связь с Уфимским Комитетом, который также окреп с приездом в Уфу новых партийных сил. В средине лета 1906 года последний стал выпускать нелегальную газету «Уфимский Рабочий». Отражая жизнь районов и отзываясь на все вопросы партийной жизни, «Уфимский Рабочий» скоро стал наиболее популярной газетой рабочих всего Южного Урала. Между прочим, в газете много места уделялось Златоустовскому заводу. Из помещенных в ней корреспонденций видно, что златоустовская группа РСДРП в конце 1906 года насчитывала до 180 человек организованных членов. У организации имелись библиотеки, некоторые денежные средства, а также небольшой типографский станок, с помощью которого она выпускала довольно значительное количество местных социал-демократических изданий. Так ею были выпущены следующие листовки:

1) «Ни одной копейки в казну, ни одного солдата в армию» —3000 экземпляров.

2) «По поводу 17-го октября»—1000 экз.

3) «Ко всем рекрутам» (за подписью Златоустовской социал-демократической группы, местной организации эсэров и Златоустовского союза рекрутов)—100 экз.

4) «Ко всем гражданам»—1500 экз.

---

*) Арх. УГУ 1905 г., № 16, стр. 64.

МАНИФЕСТАЦИЯ ЗЛАТОУСТОВСКИХ РАБОЧИХ, УВОЛЕННЫХ ЗА ЗАБАСТОВКУ В 1905 Г.,—НА ПУТИ К ЖЕЛ.-ДОР. СТАНЦИИ.

5) «Листок Центрального Комитета», по поводу сенатских раз'яснений—2000 экз.

6) «Златоустовская бойня» и др.

Вместе с оживлением работы подпольной организации наметилось, правда, весьма кратковременное, оживление и в рабочем движении,

В 1907 году в Златоусте произошли две забастовки: первая 20 февраля, в связи с открытием государственной думы, и вторая—в октябре месяце в депо железной дороги. Последняя забастовка, вызванная несвоевременной уплатой жалованья, продолжалась около недели. Из Уфы под охраной были привезены рабочие, чтобы заменить златоустовцев. Узнав, зачем их привезли, они отказались приступить к работе и через 3 дня были отправлены обратно в Уфу.

Из отдельных проявлений революционного движения в этот период следует еще отметить деятельность «боевых дружин». Организация их на Урале началась еще в конце 1905 года, но особенно широкие размеры приняла в 1096 и 1907 годах. Лозунг вооруженного восстания, выдвинутый большевиками, предполагал наряду с революционным под'емом в массах наличие кадра партийных боевых сил, и революционно настроенная рабочая молодежь уральских заводов решила претворять это в жизнь. В каждом большом заводе Урала, в том числе и в Златоусте, при местной социал-демократической группе имелась «боевая дружина», где велось военное обучение и подготовка к боевым выступлениям. В 1907 и 1908 годах боевиками было устроено на Урале несколько поразительно смелых и сложных по своему выполнению «эксов», с целью захвата казенных сумм на нужды боевых организаций и для помощи находящимся в тюрьмах, в ссылке и на каторге товарищам и в частности на устройство пар-

ВЕРХ: 1 ПОД КОНВОЕМ СОЛДАТ И КАЗАКОВ; 2 В КАМЕРЕ; 3 ВЫЗЫВАЮТ В ТЮРЕМНУЮ КОНТОРУ.

НИЗ: 1—В СУМРАКЕ ТЮРЕМНОЙ ОДИНОЧКИ; 2—ТОВАРИЩИ ПРОВОЖАЮТ НА СУД; 3—ПРОГУЛКА НА ТЮРЕМНОМ ДВОРЕ.

тийной школы за границей на острове Капри, куда с Урала было направлено несколько рабочих партийцев.

Но вскоре последовали многочисленные аресты боевиков; многие из них были повешены, другие получили долгие годы каторги, и, таким образом, с наступлением реакции боевые дружины распались. Их деятельность была последней вспышкой революционных настроений части уральских рабочих, попыткой их остановить отлив революционной волны, после разгрома декабрьского вооруженного восстания.

Заканчивая нашу работу, хочется еще раз остановить внимание читателей на общей схеме нарастания рабочего революционного движения в Златоусте. Здесь мы видим—маленький кружок марксистски настроенной интеллигенции с полулегальной библиотечкой при общественной организации—горнозаводском товариществе. Затем вовлечение в революционную работу рабочих от станка, которые сперва только слушают, затем говорят и, наконец, берут в свои руки руководство организацией. В Златоусте мы видим, как экономическая борьба: как бы следуя великому изречению коммунистического манифеста, что «всякая борьба экономическая —есть борьба политическая», принимает все более и более политический характер. Мы видим как остатки веры широких масс рабочих в защиту их требований со стороны агентов самодержавного правительства рассеиваются в громе залпов 13 марта; видим, наконец, как организованная масса рабочих захватывает в свои руки, в ноябрьско-декабрьские дни 1905 года, фактическую власть в городе и затем отступает, не сдаваясь, в подполье после победы реакции и при малейшей возможности напоминает самодержавию о своем существовании.

Златоустовская эпопея 1905 года интересна для нас не только как общий тип форм классовой борьбы на уральских горных заводах. Гораздо интереснее она, как живой памятник героических усилий трудящихся к освобождению от двойного ярма царизма и капитала,—усилий, увенчавшихся в октябре 17 года полным успехом.

Теперь, в дни юбилея первой русской революции, нам нужно еще раз вспомнить тех, кто своей кровью подготовил приход рабочего класса к власти.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Уралоблит № 5810. Тираж 2000 экз.

Свердловск. тип. «Гранит» Акц. О-ва Уралкнига. Зак. № 1203.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
г. Свердловск, улица Вайнера, № 12.
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР УРАЛКНИГИ.
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В МОСКВЕ
Ильинка, 4, помещен. 29.